

Меланхоличный оптимизм Роберта Стуруа

Марина Квасницкая

В Москве прошли гастроли Грузинского государственного академического театра имени Шота Руставели. А ведь совсем недавно Роберт Стуруа поставил в Москве «Ромео и Джульетту» с молодыми звездами театра и кино: Наталией Швец, Юрием Колокольниковым, Анатолием Белым, Дмитрием Дюжевым, Сергеем Фроловым, Агриппиной Стекловой. Нынешние же гастроли театра Шота Руставели представили совсем иную грань личности Роберта Стуруа. Его восприятие мира дышит меланхолией. «Гамлет» и «Стикс» в равной степени исследуют проблему смерти, как части жизни.

Гамлет, по традиции всех постановок режиссера, сжигает на сцене классический монолог «Быть или не быть?». Это парадоксальное

решение заставляет вспомнить знаменитый юмор режиссера: «Вы знаете, я, наверное, войду скоро в Книгу Гиннеса. Потому что я в шестой раз ставлю «Гамлета». И вы представьте мою аллергию по отношению к этой пьесе». Знаменитая трагедия обретает подлинно трагическое звучание именно благодаря этому решению — отказаться от пафоса. Ту же знаменитую фразу «Прогнило что-то в Датском королевстве» актер Заза Папуашвили произносит после неудачных попыток найти чинарик. Он столь мрачно оценивает качество своей жизни, прикуривая более-менее сносный окурочок. Трагедия принца Датского, сходя с котурнов, приобретает узнаваемые очертания для зрителей — и зал хохочет, аплодируя. Тень отца Гамлета — вообще фигура фарсовая: это скорее местный сумасшедший, а верить ему — еще большее сумасшествие. Кажется,

что такого короля никто не мог отравить. Уважение зрителя к Гамлету с этого момента вообще становится достаточно зыбким. И с чего это он стал так рьяно преследовать Клавдия, словно соперника? Клавдий и Гертруда вообще более человечны в этой постановке. Королеву же поначалу путаешь с Офелией — она молода, порывиста и если и делает глупости, то только из-за страстности своей природы. Ее одухотворенное лицо и красивая манера курить сигареты с мундштуком притягивают взгляд к актрисе Марике Чичинадзе. Именно ее безумие горько переживает зритель. В этом спектакле героев-перевертышей прагматичной стервой становится скорее Офелия — она «стучит» на своего жениха и во всем слушается палу Полония, который обрел черты скряги-ростовщика.

Во втором гастрольном спектакле «Стикс» музыка Гин Канчели выходит на пер-

вый план как главное действующее лицо. Это музыкальный спектакль-мистерия о путешествии в загробный мир. Надо сказать, осмысление темы смерти постоянно присутствует в грузинской культуре. Актеры не произносят ни звука на протяжении этого небольшого представления, занимающего чуть больше часа. Метафоры и символы этой пластической драмы каждый разгадывает сам. Это тоже трагедия с горьким привкусом иронии. Странное сообщество людей, уже не живых, но еще не мертвых, напоминает то шахтеров с фонариками, то зрителей в летнем кинотеатре. В этом пространстве все зыбко, лишено четких очертаний. Световую партитуру сочинял сам Стуруа: туман и сумерки взрываются яркими вспышками света, бьющими в глаза зрителям. Наверное, по замыслу автора именно такая жизнь человеческого духа: серые будни перемежаются с

озарениями, прозрениями. У спектакля нет либретто, в программке даны лишь не большие подсказки: длинная очередь — это ожидающие Страшного суда, газовая плитка — символ ада, а мифический Харон, соединяющий мир живых с миром умерших, говорит голосом альта Юрия Башмета.

Сцены с газовой плиткой — самые яркие. Человек, уходящий в мир иной, долго и смачно жарит на сковородке яичницу и кормит товарищей, которые затем корчатся, отравленные. Образ яйца как символа жизни здесь парадоксальным образом трансформируется в источник смерти. Ну как не вспомнить расхожую шутку: «Жизнь — опасная штука, от этого умирают!» В этом спектакле шутят с темой смерти, но только от большой горечи, от бессилия. Создатели спектакля посвятили его всем близким, кого уже нет рядом.